

АРХИТЕКТУРА И ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО

УДК 72.036

DOI: 10.31675/1607-1859-2019-21-1-9-17

*Е.В. КОСТОВА,
Новосибирский государственный университет архитектуры,
дизайна и искусств*

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ АРХИТЕКТУРЫ «СТАЛИНСКОГО АМПИРА» В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

В условиях современного кризиса Российской цивилизации осмысление феномена «сталинский ампир» позволяет найти альтернативу архитектуре постмодернизма. Цель работы – выявить специфику стилеобразования архитектуры городов Западной Сибири, показать общее и особенное в его последовательном развитии. Теоретические предпосылки работы заключаются в том, что общая парадигма «сталинского ампира» сформировалась в процессе пролетарской культурной революции – утверждение принципа коллективизма и соответствующая творческая переработка всего архитектурного наследия прошлого и настоящего. «Экономный» региональный аналог такого коллективистского архитектурного синтеза традиций и новаций представляет западносибирский вариант «сталинского ампира».

Динамика архитектурогенеза «сталинского ампира» рассматривается с помощью системного и социогенетического методов исследования. На базе генетического подхода на примере Западной Сибири раскрывается эволюция архитектурного стиля сталинской эпохи как системная смена трёх фаз: генезис, дифференциация и интеграция. Эта триада и выражает основные тенденции развития архитектуры «сталинского ампира» в Западной Сибири с постепенным приближением ко всё более жёсткому типу структуры архитектурной среды. Делается вывод, что «сталинский ампир» представляет собой «полистилистический» синтез традиций и новаций: неоклассики и конструктивизма, ордерных и внеордерных форм, духа коллективизма и государственности на основе концептуальной преемственности мировых, национальных и региональных стилевых направлений. Внутренняя форма «сталинского ампира» – функционализм, а внешняя – неоклассика и ар-деко.

«Сталинский ампир» эстетичен, экспрессивен и последователен во всех своих аналогах. Для него характерно чётко выраженное стремление к красоте, устойчивости и организованности в архитектуре. Это относится и к его западносибирскому варианту, который достигает ещё более сильного художественного эффекта в бумажной архитектуре. Педагогическая социально-организационная функция «сталинского ампира» – воспитание новой личности, строителя-коллективиста. В терминологии теории систем специфика «сталинского ампира» в Западной Сибири заключается в большей «слитности», «жёсткости» и структурированности его архитектурной среды в результате отрицательного системного подбора со стороны неблагоприятных условий развития. Столичный «сталинский ампир» – это архитектурная система дискретного типа, а западносибирский – «жёсткого» типа.

Ключевые слова: «сталинский ампир»; советская неоклассика; архитектурное стилеобразование; история советской культуры; Пролеткульт; Западная Сибирь; системный подход.

Для цитирования: Костова Е.В. Основные тенденции развития архитектуры «сталинского ампира» в Западной Сибири // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. 2019. Т. 21. № 1. С. 9–17.

E.V. KOSTOVA,

Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts

THE MAIN TRENDS IN STALINIST EMPIRE STYLE IN WESTERN SIBERIA

Understanding of the Stalinist Empire style allows finding an alternative to postmodernism architecture in the conditions of the current crisis of the Russian civilization. The aim of this work is to characterize the architectural style of the Western Siberian cities and show the general and particular character in its consecutive development. Theoretical prerequisites for this work lie in the fact that the general paradigm of Stalinist Empire style was formed during the proletarian cultural revolution, i.e. realization of the collectivism principle and associated creative remaking of the architectural heritage. Stalinist Empire style in the Western Siberia represents the economic regional analogue of such a collectivist architectural synthesis of traditions and innovations.

The architectural genesis of the Stalinist Empire style is considered by means of the systems and sociogenetic approaches. The genetic approach to the Stalinist Empire style is used to describe three stages: genesis, differentiation and integration. This triad expresses the main tendencies in the development of the Stalinist Empire style in Western Siberia with a gradual approximation to the increasingly rigid type of the architectural environment. It is concluded that the Stalinist Empire style represents a polystylistic synthesis of traditions and innovations, such as neoclassicism and constructivism, order and extraorder forms, collectivism and statehood based on the conceptual continuity of the world, national and regional style directions. The internal and external forms of the Stalinist Empire style are functionalism, neoclassicism and art deco.

The Stalinist Empire style is aesthetic, expressive and consecutive in all its analogues. It is characterized by a clearly defined trend to beauty, dynamic stability and architectural organization. This relates also to the Western Siberian variant that achieves a stronger artistic effect in the paper architecture. The pedagogical socially-organizational function of the Stalinist Empire style is upbringing of new personality. The specific character of the Stalinist Empire style in Western Siberia is greater combination, rigidity and structuredness of the architectural environment as a result of negative system selection from unfavorable conditions. The Stalinist Empire style of metropolitan is a discrete system, while that of Western Siberia is a rigid system.

Keywords: Stalinist Empire style; Soviet Neoclassicism; architectural style; Soviet culture; Proletcult; Western Siberia; systems approach.

For citation: Kostova E.V. Osnovnye tendentsii razvitiya arkhitektury stalinskogo ampira v Zapadnoi Sibiri [The main trends in Stalinist Empire style in Western Siberia]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta – Journal of Construction and Architecture. 2019. V. 21. No. 1. Pp. 9–17.

Актуальность исследования определяется необходимостью проведения комплексного анализа «сталинского ампира» с позиций сегодняшнего дня. Современный кризис Российской цивилизации неизбежно вызывает поиск устойчивой точки опоры в окружающем хаосе глобальных трансформаций, отсюда и закономерное обращение к своим имперским истокам. Эпоха Сталина занимает центральное место в истории Российской цивилизации XX в., так же, как и «сталинский ампир» в русской архитектуре (они гораздо ближе

к нам, чем далёкий «золотой век»), поэтому необходимость исследования этого явления не вызывает сомнений. Осмысление именно этого периода должно дать нам точку опоры в прошлом, настоящем и будущем.

Общая периодизация «сталинского ампира» в целом уже сложилась. Её разрабатывали и уточняли М.Г. Бархин, А.В. Иконников, В.З. Паперный, Д.С. Хмельницкий и др. Внутрисистемная эволюция композиционно-стилистических особенностей архитектуры «сталинского ампира» в Западной Сибири с точки зрения взаимосвязи авангарда и классики изучалась такими исследователями, как С.О. Хан-Магомедов, Б.И. Оглы, С.С. Духанов, Н.П. Журин, Н.С. Попова, Т.Г. Туманик и др. При этом С.О. Хан-Магомедов, Ю.Л. Косенкова, Г.Н. Яковлева и А.Н. Селиванова акцентируют внимание на «полистилистическом» многообразии «сталинского ампира», описывая его как совокупность нескольких направлений и архитектурных школ во главе с разными мастерами советской архитектуры с их специфическими концепциями формообразования.

Конкретный описательный материал по проблеме стилеобразования «сталинского ампира» в городах Западной Сибири содержится в работах С.Н. Баландина, Л.Ю. Главатских, Л.Д. Петраковой, Т.В. Бондаренко, А.П. Долнакова, С.С. Духанова, Н.П. Журина, Е.В. Хиценко, Е.В. Коньшевой, И.А. Казуся и др.

Проблему сложных взаимоотношений советских архитекторов и институтов власти рассматривали М.С. Ильченко, Э.В. Кондратович, А.П. Кудрявцев, В.Н. Сарабьянов, А.Н. Селиванова, С.О. Хан-Магомедов и др. Ю.Л. Косенкова по архивным источникам воссоздала историю функционирования творческо-экспериментальных мастерских Академии архитектуры СССР. Отношения архитекторов с бюрократией описываются как взаимные, а не односторонне направленные. Творческие судьбы ведущих сибирских архитекторов достаточно подробно раскрыты в работах С.Н. Баландина, В.М. Пивкина, И.Д. Белогорцева. Профессиональное сообщество сибирских архитекторов данного периода изучалось В.С. Кузевановым.

На этой историографической базе формируются теоретические предположения исследования, делается попытка описать объективные тенденции «сталинского ампира» в Западной Сибири с точки зрения концептуальной преемственности архитектурных стилей в процессе практического овладения всем архитектурным наследием прошлого и настоящего. Кроме того, недостаточно исследован характер «полистилистики» «сталинского ампира»: эклектика это или синтез? нагромождение форм или их гармония?

Объектом исследования в настоящей работе является архитектурная среда «сталинского ампира» западносибирских городов (проекты и постройки) как целостная предметно-пространственная система и процесс её проектирования. Цель работы – выявить особенности стилеобразования архитектуры городов Западной Сибири в рассматриваемый хронологический период. Проблемой исследования выступает системное противоречие между динамичным содержанием и консервативной формой в проектировании архитектурной среды Западной Сибири 1930-х гг. – 1955 г. по схеме: традиции (статика и консервативные концепции ордерной классики – против элементов культуры будущего), новации (динамика и прогрессивные концепции функциона-

лизм – против элементов культуры прошлого) и синтез – «полистилистический» реализм (культура настоящего).

Системный и социогенетический подходы в отличие от феноменологического описания или формального анализа дают возможность выявить основные тенденции развития архитектуры «сталинского ампира» и его социоисторические основы. Организационная концепция Пролеткульта, тезисы программного доклада А.В. Луначарского «о задачах пролетарской архитектуры» определяют социально-организационную функцию советской архитектуры – создание пролетарской культуры, воспитание коллективизма, ненавязывание искусству частных политических задач, а проведение всесторонней культурной революции. Эта линия развития культуры была подхвачена В.И. Лениным и определяла объективный смысл как сталинского соцреализма, так и «сталинского ампира» на всех его этапах, но так и не была доведена до конца.

Генетически «сталинский ампир» сохраняет основные черты предшествующей русской имперской архитектуры «золотого века» – самостоятельность, концептуальная преемственность и национальный характер, но при этом выражает мироотношение новой эпохи – коллективизм, сотрудничество и синергизм. Официальная формула – соцреализм: национальная форма и социалистическое содержание [3, с. 305–306]. Передовые архитекторы Российской империи (И.А. Фомин, А.В. Щусев, И.В. Жолтовский) органично адаптировали свой архитектурный опыт к новым социальным условиям и современным материалам (железобетон, металлические панели, стекло, пластик) и стали основателями ведущих архитектурных школ «сталинского ампира»; одновременно формируется, по выражению Д.Н. Чечулина, «советская формация архитекторов» [7, с. 30]. Субъективно большинство архитекторов продолжали «активную профессиональную деятельность» в объективно меняющихся условиях [4, с. 87]. Аналогичный процесс происходил и в Западной Сибири: архитектурную парадигматику экспрессивного железобетонного неоклассицизма здесь формировали выдающийся сибирский зодчий, «архитектурный полиглот» с «абсолютным глазом» А.Д. Крячков (Красноярск, Новосибирск, Омск, Томск) и творческие коллективы молодых архитекторов: Н.Г. Васильев, П.С. Голенко, Г.Ф. Кравцов, П.И. Круткин, Н.С. Кузьмин, Е.О. Либготт, А.И. Лоскутов, В.С. Масленников, К.Е. Осипов, И.С. Персиков, Е.А. Степанов, В.М. Тейтель, А.И. Юмакаев и др.

В рамках «сталинского ампира» западносибирский архитектурный синтез – закономерное проявление духа коллективизма в архитектуре. Формообразование в регионе – очевидное общее дело коллектива, проводимое на конкурсной основе и не заслоняемое именами авторитетных архитектурных гениев типа И.В. Жолтовского, секрет профессионального мастерства которых тщетно пытаются разгадать искусствоведы [1, с. 778].

Тенденции развития архитектуры «сталинского ампира» проявляются в этапах его развития. Как и любое системное явление, «сталинский ампир» прошёл три стадии: генезиса, дифференциации и интеграции, причём наиболее наглядно эту эволюцию можно проследить на примере именно Западной Сибири, архитектура которой в отличие от Европейской России развивалась в более неблагоприятных условиях и не получила в наследство такого огром-

ного градостроительного материала предшествующей авторитарной эпохи. По степени обобщения данная триада предпочтительнее тетрады С.В. Филонова, в которой не учитывается фаза генезиса «сталинского ампира» (до 1933 г.), зато акцентируется фаза его отрицания хрущёвским мещанским прагматизмом (1955–1964 гг.) [6, с. 232–233].

Постреволюционная *фаза генезиса* «сталинского ампира» в Западной Сибири (1925–1933 гг.) характеризуется смешением (соединением) традиций и новаций и образованием системного противоречия между старой формой и новым содержанием. Мастера старого времени приспособляются к новым условиям. Это чрезвычайно благоприятный для творчества период борьбы и исканий новых форм в архитектуре. В умеренную и гармоничную неоклассику активно вторгается динамичный конструктивизм в духе демократизма и пролетарского минимализма. Архитектурный процесс происходит без единого плана и носит стихийный характер в виде решения частных градостроительных задач. В архитектурном формообразовании наблюдается смешение пролетарского коллективистского мироотношения с духом романтического индивидуализма, героизма и личной свободы творчества со слабо выраженной авторитарной тенденцией.

Начинает упорядочиваться стихийность крестьянской и мещанской архитектуры западносибирских городов, на первый план выступает пролетарская субъектность. Среди проектов и построек – конструктивистские рабочие клубы, дворцы и дома культуры, труда, промышленности, исполнительной власти, общежития. Монументально-романтический Дом Ленина (Новосибирск, М.С. Купцов, И.А. Бурлаков, 1925 г.), Дворец труда в стиле символического замкового романтизма (Новосибирск, С.А. Шестов, 1926 г.) – выражение живого коллективного опыта. Конструктивистское здание крайисполкома (Новосибирск, А.Д. Крячков, Б.А. Гордеев, С.П. Тургенев, Н.В. Никитин, 1932 г.) – ярчайший пример новаторской архитектоники и динамики ритма. Здание Сибревкома в стиле модернового неоклассицизма (Новосибирск, А.Д. Крячков, 1925–1926 гг.) даёт мироощущение уверенного в своих силах рационализма. Строгий симметричный дом Сибкрайсоюза с элементами железобетонного неоклассицизма (Новосибирск, А.Д. Крячков, 1926 г.), конструктивистское здание Госбанка с элементами абстрактного минимализма и ограниченной неоклассики (Новосибирск, А.Д. Крячков, 1928–1930 гг.), конструктивистский асимметричный комплекс зданий «Динамо» (Новосибирск, Б.А. Гордеев, С.П. Тургенев, В.Н. Никитин, 1928–1933 гг.), монолитный аскетичный Дом железнодорожников (Томск, 1930–1932 гг.), развёрнутый угловой Дом коммунальников (Томск, 1930–1935 гг.) с прямоугольной башней – архитектурные символы ударного активно-трудового минимализма.

В *фазе дифференциации* (1933–1945 гг.) в западносибирской архитектурной среде сталинской эпохи происходит усложнение процесса стилиобразования и дальнейшее развитие системного противоречия между традициями и новациями. По выражению Г.Н. Яковлевой, наблюдается «невообразимое количество стилистических мутаций, оттенков, версий разных стилей, помноженных на мощные тектонические сдвиги в области формообразования постконструктивизма» [8, с. 25]. Обогащённое содержание приобретает чёт-

кие формы. Усиливается культурное тяготение к античной люмпен-пролетарской или «внеклассовой» классике. Активизируется неоклассика, украшая своей ордерной формой конструктивистское содержание современных зданий. Организуются городские ансамбли. Формируется Сибирское отделение Союза советских архитекторов, методом регулирования архитекторы пытаются снимать текущие противоречия градостроительного процесса. Однако простая регулятивная функция оказывается недостаточно организующей, поскольку требуется не просто ограничивать накапливающиеся противоречия определёнными рамками, а согласовать их и вообще устранить, в связи с чем перед сибирскими архитекторами остро встаёт проблема архитектурного планирования. Возникает объективная необходимость единой концепции генерального архитектурного стиля. В предвоенные годы ведутся широкие дискуссии по вопросам о городском ансамбле и возможностях «более планомерной и плановой застройки»; эвакуированный в Новосибирск ленинградский архитектор А.И. Гегелло выступает с критикой местной архитектурной среды за «бесплановую разбросанность строительства» [2, л. 1–2]. Архитектурное формообразование отражает общее усиление авторитарной тенденции, бюрократизма, национально-государственной власти, преобладание милитаризма над пацифизмом.

Целый ряд новых зданий имеет системообразующее значение в создании городских архитектурных ансамблей. Парадный стоквартирный дом (Новосибирск, А.Д. Крячков, В.С. Масленников, 1932–1937 гг.) – синтез пластичности и устойчивости с конструктивным членением фасада. Монументальная гостиница «Сибирь» (Омск, Г.А. Капустин, 1940 г.) – динамичная гармония массы и цвета. Фактурное геометрическое здание общежития Мукомольно-элеваторного института (Томск, К.П. Кресабло, 1932–1937 гг.) – это настоящий танк в архитектурном образе (с башней-лепниной), наполненный чувством коллективной мощи, уверенной силы и красоты.

Годы войны завершают эту фазу – архитектурный опыт Западной Сибири обогащается вкладом эвакуированных из Европейской России архитекторов.

В *фазе интеграции* (1945–1955 гг.) в архитектуре Западной Сибири происходит консолидация наиболее устойчивых архитектурных форм, концепций и стилей на основе взаимодополнительности. Исторически такой архитектурный синтез осуществился как социалистический реализм. Это период расцвета западносибирской советской архитектуры. Складывается функционально модернизированный неоклассицизм в духе имперского максимализма. Достигается целесообразность и синтетичность архитектурного синтеза – если смотреть на здания «сталинского ампира» изнутри, то это функционализм, а если извне – неоклассика и ар-деко. Повышается архитектурная квалификация специалистов. Решается проблема плана в пользу большей планомерности архитектурного формообразования. Архитекторы успешно осуществляют организаторскую функцию и планирование градостроительного процесса. Архитектура выражает победоносное пролетарское мироотношение, которое дополняют, с одной стороны, сильная государственная авторитарность, милитаризм и норматизм, а с другой – высокий профессионализм, пацифизм и техницизм. В архитектурном формообразовании доминируют имперские тенденции.

Грандиозный театр оперы и балета (Новосибирск, Т.Я. Бардт, А.З. Гринберг, М.И. Курилко, Б.А. Гордеев, В.С. Биркенберг, К.Е. Осипов и др., 1931–1954 гг.) – апофеоз архитектурного коллективизма в Западной Сибири. Во всех городах региона вырастают жизнеутверждающие архитектурные организмы новой империи труда. Пышный и репрезентативный ДК им. А.М. Горького (Новосибирск, А.С. Михайлов, В.С. Внуков, 1957 г.) – экспрессивное развёртывание объёмно-пространственных форм, символ эпической мощи коллективного духа. Органичный, светлый и ясный дом со шпилем (Омск, О.Е. Либготт, 1951 г.), как и аналогичный по эстетической гармонии дом с бельведером (Новосибирск, 1955 г.), – выражение лиричности и пацифизма. Величественный и торжественный 10-й корпус ТПУ (Томск, 1954 г.) – символ мирного всепобеждающего сотрудничества.

Коллективизм в западносибирской архитектуре «сталинского ампира» проявляется не только в смысловом содержании архитектурного образа, но, прежде всего, в идеологическом аспекте – в названии и назначении зданий: не дворцы императоров и императриц, князей и княгинь, не дома купцов и благородных собраний, а дома грузчиков, коммунальщиков, железнодорожников, строителей, союзов, дворцы культуры, труда, советов, пионеров и т. д.

Кульминация «сталинского ампира» – это тотальная эстетизация архитектуры, достижение высокой степени художественного впечатления и эмоциональной интенсивности. Налицо успешная реализация организационной концепции Пролеткульта, в которой акцент делается не на фальшивую абсолютную псевдокрасоту как фетиш индивидуального художественного творчества, когда изящества и украшения вредят прямому полезному назначению предметов (например, западные эклектичные ампирные образцы), а на жизненный организационный принцип красоты как нормы социального поведения. Красота понимается как практическое совершенство предметов, как организованность борьбы и труда, выражение силы и победы. На своей высшей ступени архитектура «сталинского ампира» стремится превратить повседневную жизнь людей в подлинное художественное произведение искусства. Этот процесс противоположен западным тенденциям мещанской дегуманизации архитектуры в формах «деклассированного» постмодернизма.

Архитектурный ордер всегда выступает как организующая форма порядка, а отказ от него – погружение в хаос и аморфность. На всех этапах истории всемирной архитектуры можно обнаружить характерное единство эстетического мотива. Например, античная греко-римская архитектура (как и позднейший абсолютистский ампиры Франции и России, в меньшей степени) выражала чувство авторитарной социальной устойчивости – величественного созерцательного спокойствия, могущества, беспредельных возможностей человека и безмятежной религиозной гармонии, свободной от какого-либо напряжения, в конечном счёте – идеал паразитической жизни. Архитектура средних веков и нового переходного времени в целом выражала чувства социальной неустойчивости – мистического или личностного порыва, неутомимой страсти, волнующего мечтательного стремления, предельного напряжения неуравновешенных социальных сил. Архитектура «сталинского ампира» выражает чувства социальной устойчивости новой эпохи, – эпохи коллективиз-

ма, – гармоничная динамика, спокойное проявление силы, уверенное стремление, живая социально-трудовая активность, стройное единство и непобедимая разумность, спокойное и гордое самосознание, а также ясная, светлая и всепобеждающая красота.

Таким образом, в процессе общесистемной эволюции «сталинского ампира» складывается западносибирский вариант архитектурного синтеза – «полистилистическая» интеграция традиций и новаций на основе концептуальной преемственности мировых, национальных и региональных стилевых направлений. Специфика этого варианта определялась принципом экономии и действием отрицательного системного подбора. Здесь уместно воспользоваться структурной типологией систем [5, с. 151–153]. Отсутствие местных архитектурных школ и крупных авторитетов, с одной стороны, усилило моменты коллективизма в западносибирском архитектурном творчестве, а с другой стороны, суровый сибирский климат, менее богатое архитектурное наследие, проблемы финансирования и недостаточное качество строительных материалов сделали западносибирский «сталинский ампир» более «слитным», «экономным», «жесткофиксированным» по структуре своей архитектурной среды, чем его архитектурные аналоги в столичных городах СССР, для которых в силу значительно более благоприятных условий развития характерен избыточный, дискретный тип структуры.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Габричевский А.С.* Морфология искусства. М.: Аграф, 2002. 864 с.
2. *Гегелло А.И.* Архитектурное лицо Новосибирска (стенограмма доклада) // ГАНУ. Ф. Р-1444. Оп. 1. Д. 21.
3. *Безсонов С.В.* История русской архитектуры. М.: Государственное издательство литературы по строительству и архитектуре, 1951. 462 с.
4. *Ильченко М.С.* Советские архитекторы и институты власти в 1930–1950-х годах: стратегии взаимодействия // Вестник Пермского университета. 2013. Вып. 2 (22). С. 87–96.
5. *Малиновский А.А.* Эффективность некоторых типов полужестких систем // Тектология. Теория систем. Теоретическая биология. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 151–164.
6. *Филонов С.В.* К проблеме периодизации советской неоклассики. Опыт на примере Новосибирска // Баландинские чтения. 2015. Т. 10. № 2. С. 230–239.
7. *Чечулин Д.Н.* Жизнь и зодчество. М.: Молодая гвардия, 1978. 126 с.
8. *Яковлева Г.Н.* Творчество советских архитекторов предвоенного времени и власть // Архитектура сталинской эпохи: Опыт исторического осмысления / сост. и отв. ред. Ю.Л. Косенкова. М.: Комкнига, 2010. 496 с.

REFERENCES

1. *Gabrichesvskii A.S.* Morfologiya iskusstva [Morphology of art]. Moscow: Agraf, 2002. 864 p. (rus)
2. *Gegello A.I.* Arkhitekturnoe litso Novosibirsk (stenoqramma doklada) [The architectural face of Novosibirsk (transcript of the report)]. State Archive. Form R-1444. List 1. Proc. 21. (rus)
3. *Bezsonov S.V.* Istoriya russkoi arkhitektury [History of Russian architecture]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo literatury po stroitel'stvu i arkhitekture, 1951. 462 p. (rus)
4. *Il'chenko M.S.* Sovetskie arkhitektory i instituty vlasti v 1930-1950-kh godakh: strategii vzaimodeistviya [Soviet architects and power institutions in the 1930–1950's: strategies of interaction]. *Vestnik Permskogo universiteta*. 2013. No. 2 (22). Pp. 87–96. (rus)
5. *Malinovskii A.A.* Effektivnost' nekotorykh tipov poluzhestkikh sistem [Effectiveness of some types of semi-rigid systems]. In: *Tektologiya. Teoriya sistem. Teoreticheskaya bi-*

- ologiya [Tectology. Systems theory. Theoretical biology]. Moscow: Editorial URSS, 2000. Pp. 151–164. (rus)
6. *Filonov S.V.* К проблеме периодизации советской неоклассики. Опыт на примере Новосибирска [The problem of periodization of Soviet neoclassicism. The Novosibirsk case studies]. *Balandinskie chteniya (Coll. Papers in memory of S.N. Balandin 'Balandin Readings')*. 2015. V. 10. No. 2. Pp. 230–239. (rus)
 7. *Chechulin D.N.* Zhizn' i zodchestvo [The life and architecture]. Moscow: Molodaya gvardiya, 1978. 126 p. (rus)
 8. *Yakovleva G.N.* Tvorchestvo sovetskikh arkhitektorov predvoennogo vremeni i vlast' [Creative work of Soviet architects of pre-war time and power]. In: *Arkhitektura stalinskoj epokhi: Opyt istoricheskogo osmysleniya [Architecture of Stalin era: an experience of historical understanding]*. Yu.L. Kosenkova, Ed. Moscow: Komkniga, 2010. 496 p. (rus)

Сведения об авторе

Костова Евгения Викторовна, аспирант, Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств, 630099, г. Новосибирск, Красный пр., 38, e_kostova@ngs.ru

Author Details

Evgeniya V. Kostova, Research Assistant, Novosibirsk State University of Architecture, Design and Fine Arts, 38, Krasnyi Ave, 630099, Novosibirsk, Russia, e_kostova@ngs.ru